

В.Г. Мельчаков

**ДЕТСТВО,
ОПАЛЁННОЕ
ВОЙНОЙ**

г. Верещагино, 2001 г.

Замечательному
коллективу
Верещагинской
центральной районной
библиотеки
в год ее славного 90-летия,
с искренним чувством признательности
и самыми добрыми пожеланиями -
автор. -
Мельчаков В.Г.
20 ноября 2001 года.

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА
Копия, пред. выдач

08 4 43 63.3(210с-411) МЧР
В.Г. Мельчаков

Светлой памяти
моих земляков-верещагинцев,
павших в боях за Родину,
п о с в я щ а ю .

Детство, опалённое войной

(Рассказы)

43 Верещагинская
ЦБС

248795

Верещагинская ЦБС
Пермской области

г. Верещагино,
2001

В сборник рассказов - воспоминаний В.Г. Мельчакова вошли произведения, написанные автором в период 1973 - 2001 годы. Все они связаны с событиями Великой Отечественной войны, в большинстве своем происходившими в далеких от фронта Верещагино, Перми и Свердловске /Екатеринбурге/.

Герои большинства рассказов - наши земляки, участники Великой Отечественной войны, многие из которых погибли в ее сражениях, а также "подростки войны", то есть ровесники автора, принявшие патриотическую эстафету из рук фронтовиков-победителей. Это и определило общее название представляемого сборника.

Издание осуществлено на собственные средства автора при его личном редактировании, корректуровании и оформлении.

ООО "Печатник"
2001г.

ОБ АВТОРЕ

Валентин Григорьевич Мельчаков - из тех людей, которые в течение долгих лет не изменяют своим прежним убеждениям и привязанностям.

Он вырос в городе Верещагино, в многодетной семье служащего. Здесь в 1944 году окончил восемь классов железнодорожной средней школы № 14 /ныне - № 121/. В детстве он любил дом, где жил, улицу, которая вела его к школе, искренне уважал учителей, отдавали свои знания любознательным.

Последующие годы были для него также большой школой жизни с ее открытиями и препятствиями, радостями и проблемами. После окончания спецшколы ВВС, Подготовительного военно-морского авиационного училища и Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е Жуковского он получил прекрасную профессию защитника Отечества. В.Г.Мельчаков длительное время служил в строевых частях авиации ВМФ, сначала на Дважды Краснознаменном Балтийском, а затем - Краснознаменном Северном флотах. Он жил в отдаленных гарнизонах и больших, красивых городах, однако его детская привязанность - Малая Родина - неизменно была с ним.

С окончанием службы Валентин Григорьевич осуществил свою постоянную мечту: в августе 1980 года он вернулся в свой родной город, чтобы по-сыновнему быть ему полезным. Здесь всё для него было реально, дорого, и незабываемо: печали и радости, трудности военной поры и светлые надежды на будущее, первые увлечения и убеждения. Здесь, в детстве, жестоко опаленном войной, у него было всё, но никогда не было одиночества. Рядом были друзья-сверстники и доброжелательные взрослые-наставники, а цепкая память не позволяла терять впечатления от

событий той особой поры и поступков окружавших его людей. Эти воспоминания и стали основой представляемой мною книги.

Вам, дорогие читатели, судить о ее содержании, но то, что она написана человеком равнодушным, до самозабвения влюбленным в наш родной город и своих земляков, - факт неоспоримый. Подтверждение тому - четыре ранее опубликованных им книги очерков Верещагинского исторического и географического краеведения.

Рассказы о событиях и людях предвоенной и военной поры способны затронуть сердце каждого. Читая их, вы вспомните свое детство, юность и друзей, с которыми когда-то росли и учились. А это значит, что на какой-то миг вы остановите бег суетной жизни, вернетесь в пору своей, всегда милой и неповторимой молодости, прошедшей на родной земле, любить и ценить которую завещано нам ее защитниками.

Ныне подполковник в отставке В.Г. Мельчаков - пенсионер Министерства обороны РФ, с июня 1992 года - почетный гражданин города Верещагино. За безупречную службу в Вооруженных Силах страны он награжден двенадцатью медалями.

Член Союза журналистов РФ Е.Ф. КРАСНОСЕЛЬСКИХ.

НА СНИМКЕ: В.Г. Мельчаков. /Фото 1974 года/.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Об авторе	1
Предисловие	4
Мальчишки	7
Детство, опаленное войной	10
“Огонек”	16
Три судьбы :	
- “Бог войны”	24
- Родник	29
- Петя Макаровнин	34
Свет доброты	40
“ Взойтесь, соколы, орлами !”	48
Первый День Победы	62
Старинный романс	70
Про того парня	81
Читая Книгу Памяти:	
- Это было северо-западнее Москвы	89
- В один день вместе погибшие	97
- “Похоронен в Баренцевом море”	103
Послесловие	107

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателя предлагаются рассказы-воспоминания о событиях давно прошедшего периода Великой Отечественной войны. Для удобства восприятия события в данном сборнике расположены в хронологическом порядке, хотя рассказы о них написаны в разные годы и в течение значительного промежутка времени. Об этом говорят даты, указанные в конце каждой работы.

События 1941 - 1945 годов рассматриваются здесь глазами "подростка войны". Автор и его сверстники встретили ту войну в детстве, а к Победе пришли, будучи подростками. Война "запнулась" об это поколение, которое по своему возрасту не подлежало призыву в Вооруженные Силы вплоть до Победного Мая 1945 года. Однако на их плечи, кроме учебы или освоения специальности, пришлась и немалая доля участия в производительном труде во всех сферах народного хозяйства воюющей и послевоенной страны.

"Подростки войны", впоследствии призванные, встали в воинский строй на смену фронтовикам под знамена, овеянные их боевой славой. В сложных условиях десятилетий "холодной войны" они достойно обеспечили своему народу возможность мирного труда по восстановлению и развитию экономики страны. Таким состоялся и жизненный путь автора этих строк.

Великая Отечественная война была не только значительнейшим событием советского периода, но и всего минувшего XX века. Несмотря на страшную трагедию ее начального периода, патриотизм и братская дружба народов Советского Союза, их ненависть к иноземным захватчикам и поработителям - победили. В итоге - фашизм был уничтожен в своей берлоге, откуда он вышел с мировой войной. Однако, пережив все ужасы лишений, мук и потерь, советский народ не стал народом - мстителем. Он принес миру мир и оказал ему великодушную братскую помощь.

Велики жертвы и потери советских людей во имя победы над фашизмом, среди них - тяжелая доля и верещагинцев. В родные семьи не вернулся почти каждый третий из призванных тогда на

защиту Отечества. Поклонимся же великим тем годам, как поется в одной замечательной и трогательной песне. Поклонимся же и мертвым, и живым участникам боев и тылового труда, похожего на бой. Все они достойны пожизненного и посмертного уважения потомков, которым они отстояли и сберегли самое дорогое - мир на земле.

При работе над представляемыми читателям мемуарами автор старался не допустить "завышения" своей роли в описываемых им событиях. (Известно, что с "высоты прожитых лет" подобное завышение является весьма частой субъективной ошибкой такого рода жанра). Автор стремился сохранить для себя в повествовании позицию очевидца, наблюдателя или слушателя. Читателям этих рассказов предоставляется возможность самим пережить эти давние события и оценить роль действующих в них лиц.

Рассказывая о поколении "подростков войны", автор не пытается идеализировать его общественную или историческую роль в минувший период жизни нашей страны. Испытав на себе немалые тяготы и лишения военного детства и послевоенной юности, они сделали все, чтобы жертвенно оградить от подобных переживаний своих детей. Поэтому мы вынуждены, к сожалению, признать свою вину в том, что следующее за нами поколение длительное время было, в основном, поколением иждивенцев. Выход из этого состояния обычно сложен и не всегда успешен.

Нашему обществу, как и всем другим, видимо, нужна добрая эстафета поколений. То есть правильный сплав опыта и мудрости старших с энергией и силой молодых. Он всегда плодотворен и способен не допустить в дальнейшем перестроечную ломку и уничтожение всего положительного, достигнутого в прошлом. Очевидцами последствий такой, с разрушением фундаментов, "перестройки" мы и являемся в наши дни.

Время все больше отдаляет нас от тех трудных и во многом трагических, но героических лет общенародного мужества, стойкости и энтузиазма. Оно все меньше оставляет в живых участников и очевидцев событий той огненной полосы, которая разделила их жизнь на периоды "до войны" и "после войны". Однако в нашем беспокойном мире необходимость знания и

сбережения сведений о событиях тех лет все более становится актуальной. И если моим юным землякам эти воспоминания о детстве, опаленном войной, станут некоторой информацией к их размышлению в год 60-летия начала Великой Отечественной войны, я буду считать свой долг выполненным.

В. МЕЛЬЧАКОВ.

МАЛЬЧИШКИ

“Молодость - это мечта.

Это - вера.

Это - тяготение к подвигу.

Это - лирика и романтика”.

/НАЗЫМ ХИКМЕТ/.

ПОЕЗД старательно торопился на запад со стороны Свердловска. За окнами нашего вагона пролетала сплошная желто-зеленая лента аккуратного выровненных лесонасаждений, защищающих железнодорожное полотно. Временами в этой стене суматошным огнем вспыхивал сентябрьский осиновый багрянец.

Знакомые и до покалывания в сердце родные просторы Прикамья. В сентябре пологие лесистые склоны наших увалов особенно красивы. Издали они очень похожи на приподнятый за один край цветастый ковер, автор которого разноцветными мазками сумел искусно передать ошеломляющее богатство красок золотой осени.

Выхожу в коридор, чтобы получше рассмотреть приближающуюся Пермь. У окна, понутив стриженую голову, в одиночестве стоял паренек лет десяти, в новенькой, но изрядно помятой школьной форме. Что-то забавное и располагающее показалось мне в его конопатой детской физиономии. Однако пока я подыскивал начало подходящего с ним разговора, к нам подошла пожилая проводница.

- Ну, Андрейка, скоро будешь дома, - сказала она, как-то необычно уважительно посмотрев на моего соседа.

Паренек промолчал, только кивнул головой и, шмыгнув носом, взглянул в окно.

- В Чили, из дому удрал! Вот ведь придумал! - шепнула мне проводница, молодо поведя на него глазами.

Из служебного купе в коридор выглянула голова милиционера, сопровождающего юного беглеца.

Тут уж пришла моя очередь уважительно посмотреть на этого

Андрейку. Весь мой настрой на иронически-покровительственный разговор с ним, как рукой, сняло. И сразу же нахлынула теплая волна воспоминаний.

- Видимо, мальчишки всегда будут мальчишками, - думал я. - И все у них повторяется из поколения в поколение. Всё те же порыв, романтика и стремление быть рядом с опасностью, как и у моих сверстников, мальчишек военных лет.

Волнуясь, я невольно положил руку на его худенькое плечо. Очень захотелось привлечь его к себе, когда он как-то доверчиво, снизу вверх посмотрел на меня и мою морскую фуражку. Но я сдержался. Так и стояли мы рядом, как мальчишки-ровесники 30-х и 70-х годов. А в памяти, словно путевые столбики, возникали и исчезали образы, события, воспоминания.

Прогрохотал рядом встречный эшелон с армейскими автомашинами на платформах и загорелыми солдатами, стоящими у распахнутых дверей теплушек. Сразу же вспомнилось тревожное лето 1941 года и такие же составы. Только тогда они были затейливо замаскированы зеленью срубленных березок и все торопливо мчались в одном направлении - на запад.

...НАЧАЛО июля сорок первого года. Мы, месяц назад уехавшие в пионерский лагерь, возвращались домой уже в войну и этой же дорогой. Наш пригородный поезд надолго застрял на одной из станций. Мимо, обгоняя нас, грохотали эшелоны с танками, людьми, автомашинами. Но вот один из составов, заскрипев тормозами, остановился рядом. На его платформах - повозки, походные кухни, часовые. В распахнутые двери теплушек видны головы лошадей.

Мы с приятелем Витей Шиловым, парнишкой не по годам маленького роста, подошли к одному из вагонов, где, свесив ноги вниз, сидели красноармейцы. Поздоровавшись, мы ни о чем их не спрашивали. И так все было понятно. Они, кивнув головами, также молча смотрели на нас. Потом пожилой худощавый боец в обмотках, потянувшись назад, достал свой вещмешок. Он торопливо развязал его, достал кусок домашней колбасы и протянул его смущенному Вите.

- Бери, сынок, - сказал он. И, уже обращаясь не столько к Вите,

сколько к сидящим рядом товарищам, задумчиво добавил, - У меня такой же, младший, дома остался.

Гут загудел их паровоз. Лязгнули сцепления, передавая свою звуковую эстафету вдаль, к хвосту состава. Ускоряя шаг, мы пошли рядом с вагоном.

- До свиданья, пацаны! - сказал нам худощавый боец.

- Дадим Гитлеру по шее - вернемся! - добавил его сосед.

Мы с Витей уже бежали и махали им на прощание. А потом, когда оба мы начали безнадежно отставать, наши знакомые сорвали со своих стриженных голов пилотки и помахали нам в ответ. Раскручивающиеся колеса пролетающих мимо вагонов как бы несли на себе обрывки песен, которые тоже торопились на запад.

...А потом потянулись долгие годы ожидания старших, ушедших и уходящих на фронт. В то лето 41-ого года досрочно и навсегда закончилось наше безмятежное детство. Безжалостный огонь войны и на большом расстоянии от фронта изуродовал и опалил его. Вместе со всей страной мы переживали лишения и горечь утрат. Вместе со всем народом мы, как могли, приближали столь далекую тогда Победу.

Однако уже с осени первого года войны местные мальчишки вовсю осаждали Верещагинский военкомат своими просьбами об отправке их в Действующую армию. Не давали они прохода и командирам частей, формировавшихся в нашем районе.

Немало таких отчаянных голов группами и в одиночку, самостоятельно и тайком отправлялось на запад, чтобы "явочным порядком" добиться своего права воевать с врагом. Некоторые из них, к общей зависти сверстников, действительно, добивались своего, другим же приходилось возвращаться домой, чтобы потом, передохнув, вновь повторять свои попытки. Среди нынешних седовласых верещагинцев таких можно назвать немало...

- Так зачем же в Чили, друг? - спросил я Андрейку.

- Там - хунта, - ответил он, строго взглянув на меня и удивляясь моей непонятливости...

Это было в сентябре 1973 года.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

*“...Мы жили трудно, как в правдивой сказке.
Нам, право, было некогда скучать.”*

**Б. ХУДАЙБЕРДЫЕВ “ОТ ИМЕНИ
СВЕРСТНИКОВ”.**

ПРИЗНАЮСЬ, что это сравнение пришло мне в голову еще давней осенью 42-го года. Мы, семиклассники, согревались и сушились тогда у костра после нескольких часов непрерывной работы на колхозном картофельном поле. В перелеске, на большой уютной поляне, среди молодых березок и осинок не было недостатка в топливе. Мы, не жалея, подбрасывали в огонь кем-то обрубленные ветки этих деревьев с остатками их засохшей листвы. Пламя костра мгновенно и бурно реагировало на это. Вихрь искр и горящих листьев поднимался вверх огненным столбом.

Освободившиеся от листвы березовые ветви оставались в костре, как бы ожидая момента своего воспламенения. Их белоснежная кора предварительно темнела и обугливалась. Вытащишь такую ветку из костра - она погаснет, навсегда оставаясь обгорелой и опаленной, словно запомнившей ужас, пережитый ею от близости пламени костра. Лишь малая часть сохранившей белизну одежды напоминает о недавней природной красоте такой веточки, которая когда-то украшала березку.

Так было, пожалуй, и с детством нашего поколения, опаленном пламенем той небывало страшной войны. Это пламя оставляло свою зловещую отметину не только вблизи фронта. За немалые сотни верст оно “доставало” наших сверстников похоронками или непонятными казенными извещениями “пропал без вести” на их отцов и старших братьев. Такое неизбежно отзывалось и в нашей школьной жизни.

Как-то уж так повелось с сентябрьских дней первого года войны, что мальчишка или девчонка, чью семью посетила такая беда, приходил в класс и прятал здесь свое зареванное лицо, ложась грудью на парту. Так и сидел он, никому не показывая своих слез, ни на уроке, ни на перемене. Всем было понятно без слов: у него

горе. Учителя, щадя такого человека, не называли его фамилию, т.е. “не спрашивали” его. Одноклассники тоже оставляли в покое и на уроках, и в перерывах. Вокруг лежащего на парте сохранялась по возможности печальная, тревожная и сочувственная обстановка, чем и выражалось ему наше общее человеческое соболезнование. При этом не делалось никакого различия между горем местных или эвакуированных ребят. (Последних было почти полкласса). Беда была одинакова, и ее, как могли, делили на всех поровну.

Так продолжалось, как правило, полдня, до большой перемены, которая в школьной жизни военной поры имела особо важное значение. Она была временем нашего долгожданного, заслуженного, законного Обед! (Да не побоюсь написать его с большой буквы).

...ПОМНИТСЯ, что весной 1982 года, уже в возрасте 54-х лет, и став корреспондентом местной газеты, я вновь переступил порог своей родной школы, с которой расстался 38 лет назад. Это были неповторимые, трудно передаваемые минуты, когда воспоминания теплой волной прямо-таки обрушились на меня. А среди них - светлая, благодарная память о тех бесценных пятидесяти школьных граммах черного хлеба, привилегию получать которые имели мы, мальчишки и девчонки военных лет, сверх нормы своей детской или иждивенческой карточки.

Вместе со своей бывшей одноклассницей - а тогда: хозяйкой восьмилетней школы № 124 Т.М. Швабауэр - мы в задумчивости постояли у того заветного уголка с “амбразурой” в коридор, где когда-то священнодействовали наши заботливые и строгие технички. Это здесь они по-матерински точно делили буханки черного хлеба на миниатюрные четвертушки ломтя, аккуратно укладывая их на фанерные лотки, которые вместе с кружками горячего морковного чая несли к дверям каждого класса, подавая звонок на большую перемену. Этот кусочек хлеба творил чудо в наших детских душах. Каждого из нас, школьников, он делал счастливым, добрым и благодарным человеком.

Возвращаясь к началу рассказа, отмечу, что, входя в класс, наши бабули-технички мгновенно и чутко оценивали обстановку.

Если здесь кто-то “лежал”, то они подходили сначала к нему и ставили здесь кружку с чаем, накрыв ее заветной частичкой горбушки. Как правило, они по-матерински трогали его вихры или плечо, говорили что-то успокоительное. Это оказывало на “лежавшего” самое благотворное действие. Зарёванное лицо снова старалось смотреть на мир, видеть одноклассников, вновь становилось способным воспринимать окружающую обстановку.

С тех пор минуло много лет. Давно нет в живых наших заботливых и вездесущих бабуль-техничек. Да и сами мы, школьники времен войны, уже многократно названы дедушками и бабушками (а многие и с добавлением приставки “пра”!). Однако благодарная память о том бесценном кусочке хлеба, который, несмотря на невероятные трудности, сражающаяся Родина выкраивала тогда для нас, школьников, - всегда будет свята и незабываема. Спросите об этом у моих сверстников, и все они скажут вам то же самое...

...Война неумолимо напоминала нам о себе постоянным, неотступным ощущением недоедания, т.е. чувства голода. Конечно, это выматывало, отбирало силы, здоровье, замедляло рост и развитие детского организма. Голод - спутник любой войны. С сентября 41-го года, когда у нас были введены хлебные и продуктовые карточки, кусочек хлеба приобрел самую дорогую цену. Нет необходимости говорить о том, что карточная система предусматривала строжайший учет и суровый многоступенчатый контроль за расходованием всех продовольственных ресурсов страны в военную пору. Помнится, что по детским карточкам полагалось 400 граммов хлеба в день. По иждивенческим (т.е. для неработающих и при возрасте старше 14 лет) норма была такой же. Служащие (т.е. люди умственного труда) получали по 500 или 600 граммов, в зависимости от вида производства, на котором они работали.

Норма для рабочих была самой большой. Она составляла 800 граммов хлеба в день и была мечтой многих, испытывавших постоянное чувство голода при меньшем хлебном пайке. Зачастую ребята бросали школу только из-за того, чтобы, поступив на производство, получать рабочую карточку. Считалось, что на 800

граммов хлеба прожить уже можно, только добавляя к ним нормовой и ненормированный кипяток.

Весьма знаменательно, что нормы снабжения населения хлебом по карточкам у нас не уменьшались в течение всей войны. Они были неизменны даже в самые критические моменты ее тяжелейшего начального периода.

Настоящее чувство опасности вызывало категорическое предупреждение, обозначенное на каждой карточке: “При утере не возобновляется!”. Это означало, что человек или семья, потерявшие свои карточки, оставалась наедине с голодом до конца месяца (впоследствии - декады). Такой беды не пожелаешь и своему лютому врагу. Однако и в этих условиях люди старались бескорыстно помогать друг другу, находили способы выживания, продолжая работать или учиться во имя Победы.

Бережное, уважительное отношение к кусочку хлеба - качество моих сверстников, приобретенное в годы войны. Едва ли кто из нас, переживших ее, отправит сейчас хлеб в мусорный контейнер. Мало кто из нас “просто так” смахнет на пол крошки хлеба, а не уважительно соберет их сначала в свою ладонь для сохранности. Голод войны забыть трудно...

...Война напоминала нам о себе постоянно и везде. Ей была подчинена наша учеба и вся школьная жизнь. Классы стали именоваться взводами в соответствии с введением всеобщего. Занятиям каждой смены предшествовала военизированная “линейка”, т.е. повзводное общее построение, доклады о наличии старшему военруку, который рапортовал об этом директору школы. Каждый урок начинался встречей учителя по команде “Встать! Смирно!” с последующим ему докладом назначенного командира взвода. Уроки военного дела проводились в особенно строгом армейском порядке. В школьном курсе немецкого языка предусматривалось умение допросить военнопленных из различных родов войск германской армии...

Ну, а сами занятия, начинавшиеся лишь после участия в уборке колхозных полей картофеля и льна и окончания ее, внезапно и часто прерывалась в ходе учебы массовой отправкой школьников на различные и срочные задания. Это были работы на железной

дороге (разгрузка вагонов с дровами, платформ и хопперов с углем или щебёнкой, борьба со снежными заносами на станции, разъездах и перегонах), а также на складах "Заготзерно" - перелопачивание влажного, преющего зерна и т.д.

Двухэтажное здание нашей школы имело печное отопление, и мы всегда сами пилили и кололи дрова по выходным дням, а иногда и заготавливали их в летние каникулы под руководством наших вездесущих и многоопытных техников.

Война сурово напоминала нам о себе и на школьных линейках. Здесь постепенно и постоянно редел строй наших парней-старшеклассников. Начиная с сентября, в восьмые - десятые классы их приходило все меньше и меньше. Восьмиклассники становились рабочими, кормильцами своих семей. Ребята постарше призывались в армию, поступали в военные училища и т.д.

Вот и получалось, что в старших классах оставались одни девочки, да и те норовили уйти на работу или какие-нибудь военные курсы.

Я хорошо помню тех парней, которые шагнули у нас из школьного строя - в армейский. Теперь фамилии некоторых из них на мемориальной доске у входа в новое здание школы. Среди них - Володя Печуркин, Геннадий и Анатолий Стаценко, Петр Худорожков и другие наши старшие товарищи, не вернувшиеся домой с фронтовых дорог. Это были хорошие, всегда великодушные и доброжелательные к нам парни. Вечная и добрая им память! Мне всегда кажется, что они были лучше нас...

Поклонимся всем тем, кто не дошел до Победы, но жизнью своей приблизил ее. Их имена не вправе забывать ни мы, очевидцы войны, ни последующие поколения спасенной ими России.

Ненасытный аппетит войны ощущался и в нескончаемом потоке эшелонов с техникой и войсками, которые торопливо мчались на запад, к линий фронта. С переходного моста, по пути в школу, на станционных путях мы видели обычно несколько таких эшелонов. Однако долго они не задерживались. Самоотверженная работа всех служб наших железнодорожников и при однокорейной магистрали делала чудеса невозможного. На Главном её ходу люди считали себя стоящими на линии фронта в течение всей войны.

Поклонимся великим тем годам всенародного и беспримерного мужества, стойкости и героизма, которые привели нас к Победе над ненавистным врагом.

Более медленно шел поток эшелонов эвакуированного с запада населения. Очень часто эти вагоны свидетельствовали о зверских налетах фашистских воздушных пиратов. Множество осколочных и пулевых пробоин в обгорелых стенах и крышах вагонов с людьми были тогда обычным делом.

Невозможно до сих пор забыть дистрофические лица спасенных от блокады ленинградцев, эшелоны которых следовали через нашу станцию. После встреч с ними злость и ненависть к врагу многократно возрастала не только в сознании взрослых.

Минувшая война не могла пройти и не прошла бесследно в жизни ее очевидцев. И нет, пожалуй, более убежденных сторонников мира, чем мои ровесники, люди из поколения подростков войны.

Однако, опалив наши судьбы многими бедами, война невольно закалила и наши характеры. Поэтому можно с уверенностью сказать, что на смену поколения фронтовиков пришло поколение душевно мужественных людей. Вот только в полном ли объеме передаем мы эту эстафету мужества за нами идущим? В доброй ли связке с нашим всепобеждающим патриотизмом это мужество приходит в их сознание?.. И если мы сможем сейчас быть за них спокойными, то, значит, на земле жили - прожили мы не зря.

2001 год.

“ОГОНЕК”

*...Песне ты не скажешь досвиданья,
Песня не прощается с тобой.*

/С. ОСТРОВОЙ/.

КОГДА в наши дни я слышу эту песню, то в памяти моей невольно возникает жаркий июльский день далекого военного 44-го года. В тот день я впервые встретился с ней, услышал ее простые, бесхитростные слова и такую же светлую, с грустинкой, сразу и навсегда памятную мне мелодию.

Уверен, что у многих из нас, нынешних ветеранов, в тайниках памяти есть подобные воспоминания. В них - своя любимая песня и память о первой встрече с нею. При таких воспоминаниях на душе становится как-то тепло и радостно, а вместе с тем, конечно, и грустно. Грустно, потому что с каждой такой встречей ощущаешь неумолимость и стремительность бега времени, из дней и лет которого уже сложилась прошедшая с тех пор жизнь.

Так радостно и грустно бывает обычно при встрече с хорошим и давно знакомым человеком, с которым судьба развела тебя много лет назад. Глядя на него, видишь, как постарел твой друг или ровесник, и мысленно переводишь на себя его седину и морщинки. И с грустным вздохом представляешь, как “много воды утекло” уже в наших с ним жизненных реках...

Ну, а теперь о первой своей встрече с “Огоньком”, который был когда-то шедевром и общим любимцем из лирики военной поры...

...СВЕРСТНИКИ мои, надеюсь, помнят, что в первые же месяцы Великой Отечественной войны во всех советских школах на строгом серьезе было введено обязательное изучение военного дела. Девчонки готовились стать связистами или санитарками, а мальчишки заранее осваивали весь комплекс необходимых для солдата знаний и умений.

Помнится, что военрук нашей средней школы №14, по фамилии Федорчук, был когда-то офицером николаевской армии. Он был весьма строг к нам, 15-летним мальчишкам и более старшим

подросткам. Сейчас я знаю, как прав он был тогда в своей требовательности и даже беспощадности. И в этом мне потом не раз приходилось убеждаться. А тогда нам казалось, что у этого пожилого, но всегда по-военному подтянутого человека, эвакуированного сюда из карельского города Медвежьегорска, просто нет сердца. Он беспощадно “гонял” нас на тактических занятиях, заставлял “в полный профиль” окапываться, т.е. “вырыться в землю”, начиная из положения лежа. Терпеливо и настойчиво учил метко стрелять, маскироваться, переползать... По его привычной команде мы делали это и многое другое в любую погоду, осенью, зимой и в весеннюю распутицу.

Он добивался от нас четких и кратких докладов, умения самим правильно подавать команды, выполнять строевые приемы “с оружием и без”, владеть приемами штыкового боя, досконально знать устройство трехлинейки Мосина (т.е. винтовки образца 1891/30 года), а также пулемета, гранат, противогаса... И, признаюсь, военрук умел доводить наши знания, умения и навыки до “ажура”.

Доставалось нам от него, “как богатым”! Но сейчас, проведя более 30-ти лет в армейском строю, я низко поклонился бы ему за те твердые азы солдатской науки, от него полученные. Однако встретиться нам, к сожалению, больше не довелось...

А тогда, в конце июня 44-го года, после школьных экзаменов за восьмой класс, мы как допризывники были отправлены в областной лагерь всеобща.

Лагерь этот располагался недалеко от Перми-II, за переходным через железную дорогу мостом. Теперь здесь выросли многоэтажные микрорайоны нашего областного центра-миллионера. А в ту пору в этом довоенном лесном городке Осоавиахима поочередно формировались для фронта воинские части и подразделения. В июне-июле 44-го года он оказался свободен для нас, восьми- и девятиклассников, приехавших из нескольких районов Прикамья. 247895

Помнится, что командир нашей роты, лейтенант Суханов, был офицером Верещагинского райвоенкомата. Был он мужик рослый, стремительный и энергичный, обладал скуластой монгольской

физиономией и оглушительно звонким командирским голосом. Нам особенно доставалось от него в ходе марш-бросков при внезапных ночных тревогах, на которые Суханов был большой любитель. Возвратясь в лагерь после таких пробежек с полной солдатской выкладкой, мы падали на свои нары, как говорится, “без задних ног”.

Взводный же у нас, верещагинцев, был пожилой человек, фронтовик, списанный по ранению офицер солдатского происхождения. Он был, наоборот, человеком спокойным, несуматошным и, видимо, втайне жалевшим нас, мальчишек. Однако последнее заметно не было и делу не мешало. А за два ордена Красного Знамени на его гимнастерке мы вдвойне уважали своего взводного командира.

Только одно в нем сначала забавляло нас: взводный долгое время неправильно ставил ударения, называя наши фамилии на вечерних поверках. А одного нашего верещагинца, Меновщикова, он, читая список, громко выкрикнул “Меньшевилов!”. Тут, помню, мы все дружно рассмеялись, к бурному “неудовольствию” командира роты. С тех пор за этим пареньком так и прицепилось прозвище “Меньшевик”. Но со временем наш взводный и эти свои ошибки в ударениях исправил окончательно.

Командирами отделений в лагерь всеобуча назначались военруки школ области. Все они были опытными сержантами-фронтовиками с нашивками за ранения, списанными со службы кто временно, на период излечения после госпиталя, а кто и “вчистую”. С ними мы, как со старшими братьями, ладили нормально.

ОДНАКО один из четырех командиров отделений в нашем взводе был...женского рода. Да, это была крепкого сложения девушка лет двадцати с небольшим, младший лейтенант по званию. Помню, что у нее было такое простое русское лицо, которое часто можно встретить в наших уральских деревнях, и короткая стрижка. Говорили, что она только что закончила ускоренный курс пехотного училища в Свердловске и в числе других направлена в распоряжение Пермского облвоенкомата, а оттуда - в наш лагерь всеобуча, на практику.

Службу она знала основательно и намного лучше мужчин-солдатских, а на физподготовке большинству из нас “давала фору”. Мальчишки при ней из всех сил старались не висеть “сосисками” на турнике и со временем кое-чего добились в этом деле. Память не сохранила фамилию этой девушки, т.к. про себя мы уважительно называли ее “лейтенантшей”.

Однажды, помню, нам здорово досталось на тактике. На солдате наш взвод не раз по-пластунски “пропахал” на животе изрядное поле, подбираясь к “вражеским” траншеям, а потом с криком “ура!” врывался в них для действия штыком и гранатой. Наконец был дан отбой. Взвод собрался в кружок на отдых у генистой опушки леса. Некоторые из нас просто падали на траву от усталости. Ну, а кто был повыносливее (в основном, из 14-ой школы) - еще могли даже сидеть. Гимнастерки, у всех потемнели от пота, хоть выжимай. Высохнет такая после нескольких подобных атак - колом деревенеет от солдатской “соли”, если не постираешь ее.

Критически оценив наше состояние, “лейтенантша” помолчала немного и вдруг приказывает:

- Рядовой Горелик, ко мне!

Поднимается худенький такой, чернявый парнишка, наш ровесник из Верещагинской первой школы, подходит к ней и докладывает, как учили. А она ему:

- Вот вы вчера песню такую хорошую пели. Это что-то новое? Спойте сейчас. А мы слушаем.

Горелик удивился так и говорит:

- Да что вы, товарищ младший лейтенант! Какой я певец? Это я для себя только могу. Да и не до песен сейчас. - И колючим таким взглядом смотрит на нее.

Вижу, уперся парень и запросто может “схлопотать” себе три наряда вне очереди.

А “лейтенантша” вдруг улыбнулась ему так хорошо, что даже ямочки на щеках показала:

- Ладно, - миролюбиво говорит она, - не скромничай. Слышала ведь. Прошу тебя, Виктор. Устали ребята. Пусть отдохнут.

И это дружеское такое, теплое, как к брату, обращение по имени

как-то вмиг изменило настроение парнишки. Он смущенно улыбнулся, и глаза его сразу подобрели: "Хорошо,- говорит, попробую!"

Смотрю, выходит он на середину полянки и говорит нам :

- Послушайте, ребята, хорошую песню. "Огонек" называется. Мне, например, она нравится.

Он основательно кашлянул, потом посмотрел в небо, вздохнул и негромко так запел :

*На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилась
На ступеньках крыльца.*

На полянке мгновенно стихли все разговоры и недовольные бурчания. Мы во все глаза смотрели на Горелика. Мальчишки, те, кто лежал, даже приподнялись с земли. Каждый из нас увидел его каким-то новым, повзрослевшим. Как будто он вдруг стал старше нас и потому получил право говорить всем такие "взрослые" слова:

*И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.*

Напряженно слушая поющего, мы, 15-летние, и мысли не допускали о том, что песня эта про нас. Конечно, она о наших старших братьях, которые уже ушли или вскоре уйдут на фронт. Ведь у нас самих еще не было никаких таких подруг. Просто были девчонки-одноклассницы и неясные мальчишеские мечты. С большинством своих сверстниц мы сидели за школьными партами с первого класса и совсем не замечали, как вырастали они с каждым годом. Свои отношения с ними мы еще не принимали всерьез, и они пока отвечали нам тем же.

Слушая эту песню, каждый невольно чувствовал себя свидетелем того, как его старший брат прощается со своей девушкой, уходя от нее с последнего перед отправкой свидания. Ну, а тому, у кого в памяти была его старшая сестра, казалось, что это она прощается с тем, кто ей дорог. Что это она должна хранить теперь верность и слово, данное парню-фронтовику.

Голос парнишки становился все увереннее и звонче. Видимо, песня увлекала его все больше и больше. А задушевность ее мелодии, которую как и слова, аккуратно выводил Горелик, была сразу принята нами как единственно для нее возможная и самая правильная. Песня снимала с нас усталость, ошутимо влиwała силы и уверенность в себе. Мы, затаив дыхание, слушали о том, как:

*Парня встретила славная
Фронтная семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.
Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
"Где ж ты, девушка милая ?
Где ж ты, мой огонек ?"*

Словам этим верилось. Они были простыми и предельно понятными. Никто из нас ничуть не сомневался в том, что так оно и было, что только так оно и должно быть. Парень - на фронте, нелегко ему. Сами знаем, хотя здесь и не стреляют в тебя. Ну, а как же девушка? Не забыла ли? Верна ли ему?

Чувствуя себя ее младшим братом, каждый из нас готов был оградить ее и от невзгод, и от соблазнов. Но, к счастью, последнего от нас не потребовалось, т.к.:

*И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет.
Все, что было загадано,
В свой исполнится срок,
Не погаснет без времени
Золотой огонек.*

От песни теплело в груди. Мы искренне были рады за солдата-фронтовика. Рады, что с девушкой ему так здорово повезло: она верна, ждет и, конечно, дождется его. Что счастливо сбудутся все их надежды и мечты. Ведь война сейчас отступила уже... А огонек в ночи всегда виден так далеко-далеко. Он для солдата, как путеводная звездочка...

Звонкий голос Горелика продолжал :

И спокойно, и радостно

На душе у бойца

От такого хорошего

От ее письмеца.

И врага ненавистного

Крепче бьет паренек

За Советскую Родину,

За родной огонек.

- Ну, вот и всё,- улыбаясь сказал нам Горелик. - А песня эта действительно, новая. Отец ее пел. Он недавно в отпуск приезжал после госпиталя.

Усталости нашей, как не бывало. Мы окружили этого мальчишку, эвакуированного к нам из Ленинграда. Каждый по-своему выражал ему свои восторги, одобрения и благодарности. А он смущенно улыбался, т.к. совсем не ожидал такой бурной реакции своих товарищей.

Глядя на нас, тепло улыбалась и наша "лейтенантша", и это просто окрыляло нашу мальчишескую братию. Признаюсь, я почему-то даже подумал тогда: "А ведь эта песня как раз про нее !"

Все просили Горелика написать слова песни, чтобы потом каждый смог переписать их. Так оно и было. Вечером текст "Огонька" все знали наизусть. Эти простые слова как-то враз открыли наши сердца тому, о чем они говорили.

С тех пор и я знаю и помню их. И когда сейчас, в Праздники Победы, на встречах ветеранов или в кругу посевших сверстников кто-то заведет эту трогательную и душевную песню родом из моего далекого военного детства, перед глазами неизбежно встает тот ленинградский мальчишка, который подарил мне ее.

1985 год.

ТРИ СУДЬБЫ

ВЕЧЕН, как мир, и всегда трагичен "треугольник": мать-сын-война. То есть -мать, отдающая сына на войну... Только он в полной мере известно леденящее сердце чувство страхи за его судьбу, острого сознания смертельной опасности, которая ожидает его, готовности к самопожертвованию и горячей надежды на его благополучное возвращение. У каждой из матерей это чувство свое, и каждая из них по-своему переживает, выражает и сдерживает его в минуты прощания с сыном.

Не менее волнующи и чувства сына, когда он, уходя на войну, покидает свою одинокую мать. Сознание ее незащищенности, одиночества и собственного бессилия, невозможности уже что-нибудь сделать для нее, вместе с запоздалым чувством благодарности и вины перед нею, теснят грудь, до спазма сжимают горло любого из них, даже самого невнимательного ранее.

Так было и в далекие времена моего детства, так это бывает и сейчас, когда в дни уже давно завоеванного мира парни наши почему-то снова уходят на войну и, к несчастью, далеко не все из них возвращаются домой.

Я хочу рассказать вам о трех судьбах, пережитых в нашем городе первой военной зимой, т.е. почти 60 лет назад. Они совершенно непохожи друг на друга, как непохожи и люди, о которых пойдет речь. Разные люди - разные судьбы. Непохожими были и поступки этих людей, втянутых войной в упомянутый трагический треугольник. После долгих размышлений я решился на эти рассказы и не только из-за остроты их сюжетов. Уверен, что многим тут еще есть над чем подумать, да и мне в том числе - тоже.

Итак, **СУДЬБА ПЕРВАЯ:**

“БОГ ВОЙНЫ”

*...Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались,
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас ...*

/А.С. ПУШКИН/.

ВПЕРВЫЕ я увидел его в августе 41-го года около нашей 14-ой школы. Сюда привезли, чтобы временно разместить, семьи эвакуированных ленинградцев. Мы же с приятелем Шуркой оказались здесь из простого любопытства. Около двухэтажного здания школы было много приезжих ребят и нашего возраста, и помладше. Хотелось поговорить с ними, узнать, как там, на войне. Страшно ли, когда бомбят, стреляют и все такое.

Приезжие пацаны оказались весьма общительными и бесхитростно поведали нам обо всем. Они храбро заверили нас, что ничего страшного нет в том, когда бомбят, и что спасались они вовсе не от бомб, а от осколков снарядов наших зениток, которые градом сыпались сверху при воздушных тревогах.

Подтвердил это и более старший их парень, присоединившийся к нашему разговору, когда те пригласили его в качестве “авторитета”. Словом, расстались мы тогда по-хорошему. А потом случилось так, что через день-два я вновь встретился с тем приезжим парнем, и поздоровались мы с ним уже, как давно знакомые. Оказалось, что его семью разместили на жительство в соседнем с нами доме.

Звали его Арька Маслов, и было ему уже 17 лет. В городе Чудово, под Ленинградом, он успел закончить девять классов и сейчас надеялся поступить в лётное училище, чтобы потом, как он говорил, “давать фрицам перцу”. Полное его имя, над которым он и сам потешался, было Ариан. Парнем он был веселым, неунывающим и, смеясь, важно называл себя “Ариан Ваныч, сын Ван Ваныча”.

Отец Арьки был опытным техником-путейцем, и в Верещагино его с удовольствием приняли на строительство вторых путей, которое шло тогда полным ходом.

Удивляясь, неслыханному ранее имени нашего нового знакомого, мы не раз спрашивали его об этом. А он смеялся вместе с нами и говорил: “Отца спросите. Он выдумал. Я тут совсем не виноват”. Однако спрашивать “первоисточника”, т.е. Ивана Ивановича Маслова мы из деликатности не решились, а вскоре просто прижились к такому имени. Правда, когда кто-то из пацанов назвал Арьку “арийцем”, тот дал ему подзатыльника: арийцы были тогда у нас “не в моде”.

Несколько позже я узнал из истории, что древние греки и римляне почитали и весьма боялись свирепого и неистового бога войны Ареса (Марса). Кроме того, в мифологии есть чудесный ненец и музыкант Арион, который своим пением заворожил рыб и дельфинов. Ему даже сам Пушкин посвятил свое стихотворение. Так что Ариан стал у нас “в обиходе” музыкальным богом войны, тем более что он весьма любил петь и бренчать при этом на гитаре, чему охотно учил и нашу братию.

Уже в сентябре Арька добился в военкомате направления в лётное училище. Однако в Перми его забраковала медкомиссия, и пришлось парню в расстроенных чувствах вернуться в Верещагино. Тогда он пошел работать на строительство вторых путей и к концу года стал заправским трактористом. Его совсем не смущало, что он, сын начальника, ходит чумазый и в замасленной телогрейке. И что нередко, на виду у всех, лежит под своим стареньким трактором, приводя его в “чувство”.

А вот с матерью у Масловых было совсем плохо. Они вывезли ее из Чудова тяжело больной, и в Верещагино она вскоре слегла и больше уже не вставала. Страшно было видеть, как эту, еще молодую женщину обезобразила жуткая болезнь - водянка. Как часто наваливались на нее приступы удушья. Верещагинские врачи часто навешали ее, делали пункции, т.е. проколы, чтобы выпустить огромное количество жидкости. Мужчины Масловы, как могли, ухаживали за Антониной Федоровной. У ее кровати всегда были кислородные подушки и множество лекарств. Но болезнь, к несчастью, прогрессировала.

Где-то в январе 42-го года отец Арьки был призван в армию, и вскоре он проследовал из Перми на фронт в команде бронепоезда “Александр Суворов”.

Я помню, как этот стальной красавец, свежепокрашенный зеленым цветом, ненадолго останавливался на нашей станции. Мы с Арькой и другими ребятами едва успели передать Ивану Ивановичу узелок с приготовленными для него гостинцами. Там была бутылка молока и картофельные шаньги, еще немножко теплые. Он увидел нас, прыгнул на землю, обнял сына, улыбнулся нам всем, сказал "спасибо, до свидания" и опять вскочил на подножку, т.к. бронепоезд уже тронулся. Шинель у него была еще совсем новая, необношенная и как-то неуклюже горбилась под зеленым брезентовым солдатским ремнем. Таким он и запомнился мне, когда стоял на подножке бронированной площадки и виновато, и грустно махал нам своей шапкой.

Как потом ухитрялся Арька работать, ухаживать за матерью, готовить, стирать, ходить в аптеку, "отоваривать" карточки и еще забегать к нам, чтобы побренчать на гитаре и даже меня чему-то на ней научить - просто не знаю. Но он все успевал и никогда при этом не унывал, не жаловался и помощи ни у кого не просил. Однако вскоре жизнь прямо-таки загнала в тупик и его...

Наш райком ВЛКСМ объявил тогда очередную комсомольскую мобилизацию на фронт. Вызвали и Арьку, поставили ему задачу. Дали три дня сроку, чтобы рассчитаться на работе и подготовиться к отправке.

Парень пытался убедить райкомовцев в том, что мать у него совсем плоха, вот-вот умрет, отец на фронте, он - один, даже хоронить ее некому будет. Умолял дать ему еще немного времени: может, найдет кого для ухода за матерью, договорится. Тогда он сразу и сам придет для отправки, без вызова. Однако первый секретарь райкома ВЛКСМ Юрий Онянов был неумолим.

Незамедлительно рассмотрели на бюро персональное дело "отказника" и с позором исключили Арьку из комсомола, обругав его трусом и дезертиром. Это было для него настоящим ударом. С того дня я не видел его прежним улыбчивым и смешливым парнем. Переживал он, конечно, страшно, но не сломался, не сдался.

Вскоре Антонина Федоровна умерла. Верещагинское кладбище стало ей последним "многоквартирным домом". Хоронили ее в морозный день, с поземкой. Хозяева и соседи как могли помогли

парню во всех многочисленных при этом хлопотах. Всё сделали как надо. Даже помянули добрым словом за общим столом. Помню, сидели наши старушки и, вздыхая, говорили: "Отмучилась, бедная".

А через несколько дней пришел наш Арька в военкомат, где получил направление в Омское артиллерийское училище. Прощавшись со всеми, он уехал туда учиться на "бога войны", как называли тогда артиллеристов. Вот уж, действительно, ирония судьбы: будет наш Ариан "богом войны" не только по имени, но и по раннему своему ремеслу, говорили ребята.

Известно ли мне, что с ним было дальше? Отчасти, - да.

ПОМНЮ, в начале ноября 43-го года шел я по нашей улице Сталина в школу. Учились мы тогда во вторую смену. Радостно было на душе в тот день: по радио только что передали сообщение Совинформбюро об освобождении столицы Советской Украины - Киева. Очень хотелось побыстрее сказать об этом в классе.

Смогрю, навстречу мне идут трое ладно скроенных сержантов-артиллеристов с вещмешками за спиной. Подходят ближе: один из них - Арька Маслов! Вот так встреча! Узнал и он меня, обнялись...

А вечером рассказал он, что не долго был тогда в курсантах. Туго стало под Сталинградом. Недоучили, всех выпустили из училища досрочно - сержантами, командирами расчетов - и отправили на фронт.

Навоевался, но уцелел. До Днепра дошел. Трижды был награжден. Показывал мне справки командования части о представлении гвардии старшего сержанта Маслова А.И. к награждению орденами Красной Звезды и Отечественной войны второй степени. Время было такое, что не всегда на фронте можно было вручить награду. При убытии из части в таком случае давали справку о награждении. Однако медаль "За отвагу" и гвардейский знак он получил, и это убедительно говорило о том, что наш Арька не был трусом не только в тылу, но и на фронте.

И, самое главное: в части его безоговорочно приняли в комсомол. Об этом он сказал с особой гордостью, и лукаво улыбаясь.

И снова мы видели перед собой нашего прежнего Арьку

Маслова, никогда не унывающего, смешливого и доброго. Весомый вечер он брэнчал тогда на гитаре и доказал, что репертуар свой основательно пополнил новыми песнями, в том числе и задорными украинскими. С особым шиком он спел нам песенку претендента в Полтавские сотские, который перед выборами давал людям самые немыслимые обещания, подобно нынешним кандидатам в губернаторы. Ну, а верещагинского комсомольского секретаря вспоминал тогда гвардеец и фронтовик словами “зело непотребными”.

Оказавшись наедине, я спросил парня, сказал ли он тогда матери об исключении из комсомола. Он вздохнул и грустно посмотрев на меня, ответил:

- Нет. Об этом она не узнала. У меня просто духу не хватило сказать. Не смог. Для нее это были бы дополнительные страдания.

И тут я увидел, что волосы у него на висках совсем не белесые и “пшеничные”, как остальные, а седые...

А каким чудом он оказался в Верещагино? Дело в том, что на фронте тогда “полегчало”, и всех бывших курсантов, уцелевших в боях, решили возвратить в училища, чтобы доучить до лейтенантов. Вот и отправили его снова в Омск. А по пути он с однопольчанами выкроил денек, чтобы поклониться могилке матери.

Как сложилась его судьба в дальнейшем? Уцелел ли мой добрый старший товарищ? Ведь долго еще шла та проклятая война. Наверняка был на фронте. Дошел ли до Победы? - Мне об этом ничего не известно. Знаю только, что ни он, ни отец его (они оба были призваны Верещагинским райвоенкоматом) в нашей Пермской Книге Памяти не значатся.

Такова судьба одного из парней поколения 20-х годов. Прав ли был он, когда, не боясь позорного ярлыка малодушного человека, труса и даже дезертира, не бросил свою умирающую мать? Или прав был тогда секретарь райкома комсомола? Ведь шла война, и фашисты еще были недалеко от Москвы и давили своей блокадой Ленинград. Кто скажет? Кто рассудит? Видимо,- только время. Оно мудрее всех нас. Оно всё правит и всё ставит на свои места. Только и оно, взывая к справедливости, требует подходить к истории исходя из условий исторических, а не из капризов моды, изменчивой на оценку событий, идеалов, людей.

РОДНИК

*...Святые, искренние слезы,-
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...
/Н.А. НЕКРАСОВ/.*

ЖИЛ на соседней с нами улице скромный паренек Володя Шорохов. Он был старше меня на четыре года. Совсем не мешающе одолев семилетку, Володя закончил на этом свою учебу и пошел работать. Слесарь же из него получился прилежный, толковый, а со временем - умелый и в цехе уважаемый. Однако гордости или зазнайства какого-нибудь у него от этого совсем не прибавилось. Володя, как и прежде, по-дружески, на равных относился к нам, т.е. к тем, кто жил с ним по соседству и был гораздо младше его. А мы, как старшему брату и нашему защитнику, платили ему своей искренней взаимностью.

Помнится, что был он единственным у матери сыном, а отца его никто из нас не видал и не знал. Значит, в их семье его в то время уже просто не было. Мать Володи, основательный рабочий человек, имела и прилично содержала свой дом и огород. Она любила своего сына и как-то особенно ласково и заботливо относилась к нему.

Иногда мы, пацаны из “многолюдных” семей, видя это, в душе завидовали Володе. Ведь родительской ласки дома нам выпадало гораздо меньше, чем ему. Однако внимание матери нисколько не тяготило его, и он умел быть благодарным.

Ну, а нам нравилось в нем еще и то, что Володя совсем не был скупым, жадным или корыстным парнем. Он всегда был готов чем-то поделиться с нами, угостить или подарить что-нибудь, т.е. отдать “насовсем”, ничего не требуя взамен. Вполне возможно, что его просто тянуло к нам из-за отсутствия своих братишек и сестренек.

Вот так и жили сын с матерью, которая сумела воспитать его порядочным парнем и наладить с ним отношения взаимного уважения и доверия.

Вполне также возможно, что наша босоногая компания надоедала Шороховым больше допустимого. Но детство, видимо, всегда такое, что уж если к кому-то или к чему-то потянуло, то оторвать нашего брата от него не так-то и просто. Нас тянуло к этому застенчивому сутуловатому пареньку. Нравилось, когда он с задумчивой улыбкой смотрел на нашу шумную возню или не спеша разрешал наши споры, отвечая на бесчисленные "почему".

А еще мы любили сидеть с ним на скамейке, у родника, который брал свое начало в дальнем углу их огорода. Здесь, в аккуратном срубе, заглубленном в землю и наполненном холодной, прозрачной водой, рождалась жизнь родничка. Мы видели, как на желтом песчаном дне колодца появлялись серебряные пузырьки воздуха, которые устемлялись вверх и, достигнув поверхности воды, бесследно исчезали. По деревянному желобу родниковая вода стекала на землю, где устраивала свое русло уже собственными силами. Здесь, у родника, в тени пахучих зарослей цветущего шиповника, как-то всегда легко думалось и мечталось.

ЕЩЕ со школы Володя Шорохов втайне от всех (но не от матери) был неравнодушен к моей старшей сестренке Лидке, девчонке довольно бойкой, острой на язык и не без основания "гонористой". Ей всё как-то легко давалось. Она и в школе всегда была первой и довольно яркой "фигурой".

Хотя она была моложе Володи на два года, они с первого класса учились вместе. Еще с тех пор он привык провожать ее из школы домой и всегда старался так выходить из дому, чтобы сопровождать ее и до школы. Ну, а Лидка воспринимала это как должное и частенько посмеивалась над мальчишкой.

Думаю, что привыкнув делиться с матерью своими школьными новостями, Володя весьма часто и восторженно упоминал в них имя Лидушки. А умная женщина, понимая мальчишескую увлеченность сына, деликатно относилась к его чувству, которое не завяло и в последующие годы, когда он стал рабочим человеком.

Но вот пришла война. Тяжестью гусениц своих танков она

разбивала мечты и надежды молодежи, сломала многие судьбы людей. Война ежедневно сжигала и калечила тысячи жизней. Молодой Шорохов был в то время уже взрослым парнем, и мать понимала, что день его призыва не за горами.

Мысль о неизбежном расставании с сыном не давала ей покоя ни днем, ни ночью. Бедная женщина осунулась и, оставаясь одна, тихо и безутешно плакала. Долгими бессонными ночами она вспоминала все с момента его рождения, вновь переживала все его детские болезни, школьные неудачи и мальчишеские обиды.

Однако, понимая неизбежность скорой отправки сына на фронт, мать никогда не допускала мысли о том, чтобы как-то словчить, укрыть парня от призыва или куда-то далеко спрятать его от людей. Страстно любя и боясь потерять его, она знала и понимала, что позор и бесчестье для Володи страшнее всего. Таким уж он вырос у нее. Да и сама она никогда не вынесла бы этого...

Время шло. После работы и по воскресеньям, вместе со сверстниками Володя занимался в военкомате допризывной подготовкой. Тяжелое предчувствие беды, которая обязательно последует за отправкой сына, не давало матери покоя. Она плакала, уже не таясь от него. А Володя, как мог, успокаивал ее, старался помогать во всем, что-то надолго сделать для дома из того, что раньше откладывал. Однако и у него на сердце порой было тревожно, но не за себя, а за мать, которая оставалась одна.

Однажды ему, как и другим деповским комсомольцам, пришлось участвовать в приемке раненых, доставленных санпоездом в наш госпиталь. После той ночи он, насмотревшись на страдания людей, вернулся домой не только смертельно уставшим, но каким-то враз повзрослевшим, строгим и неразговорчивым. И в эти дни мать решилась...

В воскресенье, придумав какой-то повод, она по-соседски пришла к нам и завела разговор с моей матерью, хлопотавшей на кухне...

Тут нельзя не сказать, что наша мама пользовалась у соседей основательным авторитетом и не только по своему возрасту. Женщины часто приходили к ней за советом или разъяснением, с просьбами, новостями, жалобами или просто по-бабьи поплакаться

на какие-нибудь свои обиды. И все они находили в ней нужное участие, и всегда уходили какие-то умиротворенные и благодарные. Видимо, она умела слушать людей, сострадать им, разделять с ними их беспокойство, беду или переживаемую несправедливость.

В детстве я не раз видел, как мама, слушая какую-нибудь плачущую соседку, сама искренне плакала и горевала порой не меньше, чем та. И если ей, как правило, удавалось успокоить человека, то, действительно: горе, разделенное с другим, уменьшается в своих размерах. Вот только до сих пор не пойму, как успевала мама совмещать такие визиты к ней и свои многочисленные домашние хлопоты по обслуживанию нашей "оравы"?...

Одним словом, "дипломатия" между ними была установлена, и мать Володи зачастила к нам. Как бы невзначай, она интересовалась Лидией, заводила с ней разговоры, если та была дома, и т.д. То есть вела разведку и подготовку. И вот однажды, не имея больше сил бороться с черными думами, измученная женщина выложила нашей матери свое самое сокровенное.

Она предложила ей породниться семьями. То есть пусть Володя и Лидя поженились и сделают это до его призыва, не откладывая. Ведь время сейчас такое, да и знают они друг друга уже не один год. Удивленная таким оборотом дела, мама наша поблагодарила ее за честь и обещала подумать, да и с Лидией поговорить, в первую очередь. Ведь той жить-то в замужестве.

К великому сожалению свахи, в следующий свой визит она услышала деликатный отказ. Она с огорчением узнала, что Лидушке нашей еще только 16 лет, что после школы та собирается учиться дальше, да и не испытывает она к Володе никаких чувств, кроме прежних школьных отношений. А ведь этого явно недостаточно для создания общей семьи...

Так или иначе, но отказ был получен, и это окончательно убило надежды нашей соседки. Обливаясь горькими слезами, она до конца поведала нашей маме свою сокровенную задумку. Постоянно угнетаемая дурными предчувствиями, она втайне от всех надеялась на то, что в случае несчастья с сыном, у нее хоть кровиночка его останется, т.е. внук или внучка, которые бы всегда напоминали о

ним. А сноху Лиду она бы любила, очень любила и берегла. Ведь там в ней души не чают...

О потомках заплакали тогда обе матери вдоволь. Поплакали и разошлись наши неудавшиеся сватки, но взаимной обиды или недопонимания у них, помню, не было.

После своей отправки на сборный пункт Володя заходил к маме, как и ко всем соседям, проститься. Стрижка "под машинку" сделала его прежним стеснительным подростком. Помню, как мама наша перекрестила его и проговорила: "В добрый час, сыночек". А Лидушка приподнялась на цыпочках, поцеловала его в щеку и очень серьезно так сказала: "Возвращайся. Мы ждем тебя, Володя".

Через пару месяцев воинский эшелон умчал его из Перми на фронт. Весточки в солдатских треугольниках исправно шли от него на фронт. В каждом из них он бодро сообщал матери, что у него все нормально, просил ее беречь себя и не беспокоиться. Зная это, мать догадывалась, что эта бодрость дается сыну нелегко, хотя стал он уже бывалым солдатом и был награжден за форсирование Днепра. А потом вдруг замолчал наш Володя...

После запроса матери по его адресу и через месяц напряженного ожидания получила она леденящее душу сообщение. В нем говорилось, что ее сын, **рядовой Шорохов Владимир Сергеевич, рождения 1924 года, уроженец поселка Верещагино Пермской области, призванный Верещагинским райвоенкоматом в 1942 году, пропал без вести в сентябре 1943 года.** Вот так: был у нее один сын и тот пропал без вести, как в воду канул...

Не изменили ничего и вестей о нем не добавили долгие годы надежды и ожидания. И в Книге Памяти, появившейся у нас через 50 лет после той войны, о судьбе скромного и доброго рабочего парня Володи Шорохова сказано ровно столько же, сколько поведала о ней та казенная бумага.

Не дождавшись сына, давно умерла его мать, которая так любила своего первого и единственного. Годы мучительного ожидания унесли не один десяток лет ее жизни. Так погибли корни еще одной фамилии, потому что прекратил свое существование еще один родник жизни на земле.

Таков второй вариант решения того трагического треугольника. К нашей общей беде, он часто решался именно так. Так было в Руси издавна, а уж в Великую Отечественную - тем более. Поэтому-то и "приобрели" мы огромные библиотеки тех краснотомов Книги Памяти с краткой перекличкой павших, умерших от ран и пропавших без вести.

Так пусть же никогда больше не печатаются книги с таким содержанием, а к тем, которые уже изданы, пусть никогда не следует продолжения!

ПЕТЬКА МАКАРОВНИН

*Трус не любит жизнь,
он только боится ее потерять.
/РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА/*

ЭТО - третья судьба, и она не менее трагична, чем предыдущая. И начало рассказа о ней такое же: на соседней с нашей улице жили мать и сын. Однако оба они были старше тех, о ком мы говорили раньше. Мать здесь - высокая, сухоощавая, суровая на вид старуха, а сын ее - холостой парень лет двадцати пяти, невыразительной внешности, работающий поваром в одной из рабочих столовых нашего поселка.

Характерны имена, которыми их называли соседи. Ее - всегда уважительно, по отчеству, и взрослые, и дети - Макаровна. А его - просто Петька, несмотря на то, что он давно уже вышел из подросткового возраста.

Похоже на то, что сын у Макаровны был поздним и единственным ребенком. Видимо поэтому она с детства держала его в густой "сетке-авоське" личного контроля, лишив даже малейших элементов самостоятельности. А потом Макаровна стала решительно давать "поворот от ворот" и всем его избранницам, поэтому сын ее с годами превратился в "жениха-переростка".

Жили они вполне прилично и занимали половину большого дома-

пятистенка и двор с отдельными воротами. Под их окнами была уютная, аккуратно покрашенная скамейка, на которой, как на посту, летом всегда сидела Макаровна.

И действительно, как сторож на посту, в любое время. Утром проходил мимо ее дома - она сидит тут, в полдень - здесь же, вечером - тоже. Как будто и в дом не заходит. Всегда - на скамейке, прямо так сидит, высоко подняв голову, руки впереди, на перекладине палки. И смотрит перед собой в одну точку, как сеница или Баба Яга на троне.

Однако Макаровна зорко видела все, что происходило на перекрестке около ее дома. Кто идет, кто и на чем проезжает. Не поворачивая головы, она отвечала на приветствие прохожего, бегло и бодро называла его по имени и, при желании заводила обоюдный интересный разговор. Макаровна первая узнавала все новости, все сколько-нибудь значительные происшествия и скандалы.

Говорила она грубым, властным, почти мужским голосом, строго обо всех судила, но сама всегда была права и переубеждению не поддавалась. И характерно, что взрослые уважали ее мнение и считали Макаровну человеком знающим и авторитетным.

Говорили, что она знахарка, лечит травами и даже колдует. Однако я никогда не видал ее собирающей травы, цветы или ягоды, ни в поле, ни в лесу.

Признаюсь, мы, мальчишки, побаивались Макаровну. Как-то не по себе было, если услышишь громкий и резкий голос этой необычной и непонятной старухи. Особенно когда ее что-то раздражало в твоём поведении. Поэтому, проходя мимо ее дома (или "поста"), мы старались не задерживаться.

Нельзя не сказать и об одежде Макаровны. В ее платье было что-то старинное и цыганское. Длинная, черная, с яркими цветами и множеством складок юбка и такая же цветастая кофта. Туго завязанный впереди платок выглядел пугающей чалмой. Словом, колдунья или Баба Яга.

Великовозрастный же сын Макаровны по тем временам внешне был вполне интеллигентным парнем. Помню, что летом он ходил